

Р. Ф. Брандт

**Лекции по исторической
грамматике русского языка**

Выпуск 1. Фонетика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Р11

Р11 **Р. Ф. Брандт**
Лекции по исторической грамматике русского языка: Выпуск 1. Фонетика / Р.
Ф. Брандт – М.: Книга по Требованию, 2014. – 154 с.

ISBN 978-5-4241-4559-9

Лекции по исторической грамматике русского языка.

ISBN 978-5-4241-4559-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ XVI.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1892.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметомъ издаваемыхъ теперь лекцій служить литературный русскій языкъ, который въ нихъ освѣщается діалектологіей и исторіей, а также сравненіемъ съ ближайшими (иногда и съ болѣе дальними) родичами. Въ отличіе отъ извѣстныхъ Лекцій Алексѣя Ивановича Соболевскаго, здѣсь предлагаются лекціи не по исторіи русскаго языка, а по его историко-сравнительной грамматикѣ.

Печатаются настоящія лекціи почти безъ дополненій противъ того, какъ они дѣйствительно читались: значительное распространеніе, думается мнѣ, легко могло бы придать задуманному университетскому учебнику характеръ справочной книги.

Романъ Брандтъ.

Г л а с н ы е з в у к и.

Для гласныхъ звуковъ русскаго языка большое значеніе имѣетъ удареніе: только ударяемые гласники отличаются явственностью и опредѣленностью; при отсутствіи же ударенія совпадаютъ между собой два, а иногда и три звука. На явственности ударяемыхъ гласниковъ основано извѣстное школьное правило, что, когда мы сомнѣваемся, какую употребить гласную букву, то должны подобрать другую форму того же слова, съ удареніемъ на сомнительной буквѣ: можно напр. усумниться, слѣдуетъ-ли писать тѣнѹ, тенѹ, или тѣнѹ, но 2-е лицо «тѣнешь» показываетъ, что нужно писать я.

Господство ударяемыхъ гласниковъ и ослабленіе безударныхъ есть явленіе довольно новое, развившееся въ XIV—XVI столѣтіи. Впрочемъ надо помнить, что хронологія языка отличается вообще большою неточностью: вѣдь письмо всегда только приблизительно передаетъ выговоръ словъ, и иная особенностъ, хотя не выражается на письмѣ, тѣмъ не менѣе можетъ существовать въ живой рѣчи. Ослабленіе безударныхъ гласниковъ—черта южно-великорусскаго говора и литературной рѣчи; эту особенностъ раздѣляетъ и нарѣчіе бѣлорусское. Напротивъ того нарѣчію малорусскому и сѣверно-великорусскому говору она почти чужда.

Въ обзорѣ гласныхъ звуковъ я буду отмѣчать съ одной стороны ихъ качественныя особенностя, а съ другой—ихъ происхожденіе. Чтобы дать болѣе ясное представленіе о звукахъ русскаго языка, я при письменномъ изображеніи его словъ буду пользоваться не общепринятымъ правописаніемъ, а фонетическою транскрипціей. Обратимся прежде всего къ ударяемымъ гласникамъ, къ безударнымъ мы перейдемъ впоследствии.

Звукъ *а* не требуетъ замѣчаній насчетъ качественныхъ своихъ особенностей ¹. Что же до его происхожденія, то русское *а* происходитъ 1) изъ праславянскаго *а*—такое *а* мы имѣемъ, напримеръ, въ словахъ *баба*, *сан*. ² 2) Звукъ *а* является тамъ, гдѣ въ староцерковномъ языкѣ былъ *а*³; а именно юсу узкому соответствуетъ *а* съ предшествующей мягкостью ⁴. Эта мягкость иногда можетъ теряться, т. к. иные согласники, бывши первоначально мягкими, впоследствии въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвердѣли; и въ такихъ случаяхъ мы на мѣстѣ *а* находимъ просто *а*. 'А мы имѣемъ напр. въ глаголѣ *сѣду*, соответствующемъ староцерковному *сѣдѣ*; въ существительномъ *мѣса*, равномъ староцерковному *мѣсо*. Здѣсь въ обоихъ примѣрахъ мы видимъ *а* съ предшествующимъ мягкимъ согласникомъ. Простое *а* на мѣстѣ *а*, безъ предшествующей мягкости, мы находимъ послѣ шипящихъ *ж* и *ш*. (О *ч* и *щ* рѣчь будетъ ниже). Мы имѣемъ, напримеръ, существительное *жѣла*, основная форма котораго будетъ *жале*; имѣемъ прилагательное *шаткѣй*, находящееся въ связи съ церковно-славянскимъ *шатати* сѣ. (Русскій глаголъ *шататься* въ примѣръ не годится, потому что *а* въ немъ безударное). *А* безъ предшествующей мягкости въ соответствіи *а* является также и послѣ согласнаго дифтонга *ч*, обозначать который я буду черезъ *тш*, такъ какъ оба эти звука, тѣсно соединенные, слышатся въ нашемъ дифтонгѣ. Изъ указанныхъ элементовъ первый всегда мягокъ, а второй обыкновенно бываетъ среднимъ. (Средній выговоръ я буду обозначать точкой). Итакъ, русское *ч* состоитъ изъ

¹ О нѣкоторыхъ отгѣнкахъ его удобнѣе будетъ поговорить въ другомъ мѣстѣ.

² Удареніе русскихъ словъ *и*, при писаніи на доскѣ въ аудиторіи, а также и въ литографическомъ изданіи этихъ лекцій, обозначалъ отвѣсной чертой, такъ какъ обыкновенные знаки, ' и ' (акутъ и грависъ) имѣютъ особныя значенія въ другихъ славянскихъ языкахъ. Но въ настоящемъ изданіи, чтобы не отливать новыхъ буквъ, я пользуюсь акутомъ.

³ Въ виду того, что праславянскіе звуки почти всегда совпадаютъ со староцерковными, я обыкновенно буду выводить русскія слова изъ староцерковныхъ.

⁴ Мягкость я буду обозначать анострепомъ.

т + ш. При такомъ произношеніи слогъ уа находитъ подобное же отраженіе какъ жа и ша, т. е. представляетъ отсутствіе мягкости, напр. $\widehat{гшас\acute{т}}$, равное староцерк. $\widehat{гас\acute{т}}$. Но не вездѣ одинаково произносятся ч, въ нѣкоторыхъ говорахъ ч мягко, т. е. представляетъ $\widehat{ч+ш}$. При такомъ выговорѣ ч не стоитъ уже на ряду съ ж и ш, а подходит подѣ общее правило. Сказанное про ч относится и къ согласному трифтовгу $\widehat{ш}$, который есть или $\widehat{штш}$, или же $\widehat{штш}$, а у иныхъ звучитъ и какъ простой, но протяжный согласный—какъ $\widehat{шш}$: па $\widehat{штш\acute{а}}$ да, или па $\widehat{штш\acute{а}}$ да, или же па $\widehat{штш\acute{а}}$ да=староцерковному *поштада, праславянскому *поцада. Въ извѣстномъ смыслѣ къ исключеніямъ принадлежить и тотъ случай, когда а предшествуетъ j, т. е., напримѣръ, какое-нибудь слово ядра (беру множественное число, а не единственное, чтобъ имѣть а подѣ удареніемъ), соотвѣтствующее староцерковному $\widehat{мдра}$. Здѣсь звуку а предшествуетъ мягкій согласникъ j, но всетаки самому а соотвѣтствуетъ одинъ только звукъ а, потому что j на лицо и въ староцерковномъ языкѣ.

Есть нѣкоторые случаи, гдѣ русское а съ предшествующей мягкостью находитъ себѣ соотвѣтствіе въ староцерковныхъ формахъ съ а. Такъ, при нашемъ нарѣчій $\widehat{п\acute{р}а}$ мо мы находимъ староцерковное $\widehat{п\acute{р}а}$ мо; русской глагольной формѣ $\widehat{пам\acute{а}н\acute{ь}т}$ соотвѣтствуетъ староцерковная $\widehat{пам\acute{а}н\acute{ь}т}$; русское прилагательное $\widehat{рум\acute{а}н\acute{ь}й}$ соотвѣтствуетъ староцерковному $\widehat{рум\acute{а}н\acute{ь}й}$. Но при глагольной формѣ $\widehat{пом\acute{а}н\acute{ь}т}$ мы встрѣчаемъ также форму $\widehat{пом\acute{а}н\acute{ь}т}$. Староцерковное $\widehat{рум\acute{а}н\acute{ь}й}$ по-сербски будетъ $\widehat{ру\acute{м}е\acute{н}}$, $\widehat{ру\acute{м}е\acute{н}а}$, -о; а сербское е, если оно проходитъ по всѣмъ говорамъ сербскаго языка, предполагаетъ или основное е, или а, но не я: если бы тутъ былъ я, то при формѣ $\widehat{ру\acute{м}е\acute{н}}$ должны бы существовать (къ западныхъ говорахъ) разновидности $\widehat{ру\acute{м}е\acute{н}и}$ и -и. Итакъ серб. $\widehat{ру\acute{м}е\acute{н}}$ свидѣтельствуетъ объ основномъ $\widehat{рум\acute{а}н\acute{ь}й}$. За то польскій языкъ здѣсь предполагаетъ я: по-польски $\widehat{гш\acute{а}п\acute{у}}$, а польское 'а соотвѣтствуетъ славянскому а, на мѣстѣ же а было бы 'з или 'е: $\widehat{гш\acute{а}п\acute{у}}$ или $\widehat{гш\acute{а}п\acute{у}}$ '. Такимъ образомъ праславян-

¹ Почти тождественныя фонемы $\widehat{гш\acute{а}п\acute{у}}$ и $\widehat{рум\acute{а}н\acute{ь}й}$ представляютъ поучительный примѣръ, что сходство можетъ иногда указывать на первоначальное различіе.

скія созвучія ам ам въ разсматриваемыхъ словахъ имѣли при себѣ разновидности ам, ам, и русскія 'ам, 'ам можно возводить къ послѣднимъ.

Мы видѣли случаи, въ которыхъ русскіе слоги ja, жа, ша, тша проишли изъ праславянскихъ сочетаній съ м; не слѣдуетъ однако думать, чтобъ эти слоги всегда имѣли такое происхожденіе. Существуютъ также слова въ родѣ já гъ да, равнаго основному ягода, гдѣ а восходитъ къ праславянскому а и въ славяно-литовскому ō—по-литовски это слово будетъ ūga, что предполагаетъ славяно-литовское *ōgā. Далѣе, въ такихъ словахъ, какъ ja, жа, ша, тша, а славянской и вмѣстѣ съ тѣмъ русское а стоитъ очень часто вмѣсто я. Мы имѣемъ, напр., глаголь конти са, 2-е лицо настоящаго конши са; глаголь стоити, 2-е л. стоимши—эти глаголы образованы такъ же, какъ : лети, имѣющій 2-е л. летиши, но только въ неокончательномъ они послѣ j вмѣсто я представляютъ а. Подобнымъ же образомъ и послѣ шипящихъ мы встрѣчаемъ а вмѣсто я, напр. лежати, 2-е лицо лежиши—лежати вмѣсто *легати. Въ литовскомъ языкѣ мы здѣсь находимъ е узко е, предполагающее ē, напр. нашему сидати въ литовскомъ соотвѣтствуетъ sėdėti. Подобное же а вмѣсто я является и въ цѣломъ рядѣ существительныхъ, напр. въ словѣ жаба, которое имѣетъ соотвѣтствіе въ сербскомъ—жѣба (съ а: если бы тутъ въ праславянскомъ языкѣ былъ м, то Сербы произносили бы жеба) и въ польскомъ żaba (а не żeba или żaba). Таково же слово шѣлацѣтѣ, находящееся въ связи съ сербскимъ шѣла шутка (не шѣла), съ польскимъ szalony безумный (не szelony или szalony); далѣе слово тшѣша, сербское чѣша и польское szasza. Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что указанная слова представляютъ а вмѣсто ѣ, но точнѣе говорить, что а замѣняетъ тутъ ē, которое при другихъ условіяхъ дало бы ѣ. Притомъ уже Праславяне послѣ j и шипящихъ употребляли а вмѣсто ē, и русскіе унаслѣдовали готовое а.

Такъ какъ русскій звукъ а съ предшествующей мягкостью можетъ соотвѣтствовать или основному а, или м, то, при этимологическомъ толкованіи русскихъ словъ, надо себѣ всегда ставить вопросъ, чему соотвѣтствуетъ данное а. Замѣтимъ, что въ корняхъ а съ предшествующей мягкостью (именно, съ предшествующими мягкими

согласными, т. е., за исключеніемъ созвучій ѡа, ѡѡ, ѡѡѡ) происходитъ изъ ѡ, и только въ суффиксахъ мы имѣемъ также древнее ѡ съ предшествующей мягкостью, напр. русское слово ѡнѡмѡ соответствуетъ староцерковному ѡемѡмѡ.

Замѣна ѡ черезъ 'а—замѣна древняя; вторичнымъ однако слѣдуетъ считать отвердѣніе (въ большей или меньшей степени) нѣкоторыхъ согласныхъ. Первоначально слогаѡ съ ѡ соответствовали всегда мягкіе слоги: мы знаемъ, что ѡ можетъ быть мягкимъ, первоначально же оно всегда было таковымъ, точно такъ же и ж, ш. Такъ, напримѣръ, ж'а ѡа первоначально звучало ж'а ѡа, ш'а т'к'ѡѡ—ш'а т'к'ѡѡѡ. Что ѡ издавна былъ утраченъ русскимъ языкомъ это явствуетъ изъ первыхъ памятниковъ русскаго письма. Какъ извѣстно, въ памятникахъ XI столѣтія—въ Остромировомъ Евангеліи (1056—57 гг.), въ обѣихъ Изборникахъ Святославовыхъ (1073 и 1076 г.) и въ Служебныхъ Минеяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы (1095—97 гг.)—мы имѣемъ уже случаи смѣшенія буквы ѡ съ буквами ѡ и ѡ. Напр. діаконъ Григорій въ послѣсловіи пишетъ: «поуѡхъ писати», между тѣмъ какъ нужно было написать «поуѡхъ»; да и въ самомъ текстѣ Евангелія, при списываніи южно-славянскаго подлинника, онъ нѣрѣдко ошибался насчетъ употребленія буквъ ѡ, ѡ и ѡ. Можно, правда, привести нѣкоторыя соображенія въ пользу существованія въ русскомъ языкѣ, въ болѣе раннюю пору, пословныхъ гласныхъ, но эти доводы носятъ характеръ сомнительный. Они будутъ изложены ниже.

Что касается письменнаго знака ѡ, то онъ сохранился въ русскомъ письмѣ на ряду съ ѡ и даже употреблялся предпочтительно передъ нимъ; ѡ преобладаетъ также въ церковныхъ книгахъ новой редакціи; изъ его скорописной разновидности вышла буква ѡ гражданскаго письма и печати.

Обратимся теперь къ звуку е. Е есть звукъ средній между ѡ и ѡ, и какъ таковой можетъ занимать приблизительно средину между ними, или же приближаться болѣе къ ѡ, или болѣе къ ѡ. Въ русскомъ языкѣ существуютъ два е—одно болѣе близкое къ ѡ, другое болѣе близкое къ ѡ; кажется, въ нѣкоторыхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчается еще е среднее, одинаково далекое какъ отъ ѡ, такъ и отъ ѡ. Звукъ е болѣе близкій къ ѡ буду обозначать посредствомъ ѡ и называть е широкимъ. Широкое е тоже-

ственно съ нѣмецкимъ *e* въ словѣ *Aehre* (колосъ), и съ французскимъ *è*, напр. въ словѣ *rège*: примѣромъ на такое *e* можетъ служить слово *м̄ ä л.* Узкое *e* равно нѣмецкому *e* въ словѣ *Ehre* (честь), французскому *é*, напр. въ словѣ *bonté* (доброта); такое *e* представляетъ напр. слово *м̄ е л.* (Узкое *e* буду выражать перевернутымъ *э*).

Двойность звука *e* въ русскомъ языкѣ впервые была указана академикомъ Як. Карл. Гротомъ, въ статьѣ, помѣщенной въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1847-мъ году, и перепечатанной потомъ въ сборникѣ его грамматическихъ работъ, въ его «Филологическихъ разысканіяхъ». Статья эта озаглавлена «О произношеніи буквъ *e*, *ѣ* и *э*». Уже изъ приведеннаго заглавія видно, что указанная особенность звука *e* одинаково относится къ этому звуку, какъ бы онъ ни изображался на письмѣ. Позже Грота, но независимо отъ него, пришелъ къ тому же заключенію другой академикъ, извѣстный специалистъ по санскритскому языку—Бётлингъ (*Böthlingk*). Статья Бётлинга, въ которой онъ между прочимъ рассматриваетъ занимающій насъ вопросъ, озаглавлена «Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ» и напечатана въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, томъ I; она же появилась на нѣмецкомъ языкѣ во французско-нѣмецкомъ изданіи Академіи, *Bulletin historico-philologique*, v. IX, подъ заглавіемъ: «*Beiträge zur russischen Grammatik*».

Условія появленія въ русскомъ языкѣ того или другого *e* очень просты; тогда какъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ только изъ практики можно узнать, гдѣ будетъ *ä*, а гдѣ *e*, въ русскомъ языкѣ для этого существуетъ общій законъ, не допускающій исключеній. Я здѣсь дамъ свою формулу, впрочемъ почти совпадающую съ формулой Бётлинга. (У Грота мы находимъ неудовлетворительное опредѣленіе, потому что онъ въ указанной статьѣ говоритъ вмѣсто звуковъ о буквахъ). Формула моя слѣдующая: передъ мягкими согласными, въ числѣ которыхъ находится также легкий *j*, или, если употребить другой терминъ—*i* неслоговое (звукъ, для котораго въ русской азбукѣ существуетъ знакъ *й*), является *e*, въ другихъ случаяхъ—*ä*. Значитъ, *ä* является пе-